

Кира Головки — Газете

Кира Головки: «В «Трех сестрах» в постановке Немировича-Данченко я была занята везде: в первом акте пела птичкой, во втором была шумом в печке, в третьем — пожаром, в четвертом — журавлями»

Сегодня на сцене МХАТа имени А. Чехова чествуют народную актрису СССР Киру Головки по случаю ее юбилея. С Кирой Николаевной Головкой встретился корреспондент Газеты Артур Соломонов.

никакой «Гренады!»

Поступала я в труппу Художественного театра очень забавно. Было это в тридцать восьмом году. После того как я увидела Хмелева в спектакле «Царь Федор», почувствовала, что хочу стать актрисой. Но сначала я поступила в Институт истории, философии и литературы. Вскоре увидела объявление, что во МХАТе идет набор во вспомогательный состав труппы. Конкурс был невероятный: пришли шестьсот тридцать семь человек, а должны были взять троих мужчин и одну женщину. А женщины были там замечательные! У меня была программа: «Анчар» Пушкина, монолог Катерины из «Грозы» и «Гре-

нада» Михаила Светлова. Меня сразу же попросили «Гренаду» не читать. Сказали, что советских поэтов для МХАТа не существует. Прошла я несколько туров. И — последний экзамен, собралась вся труппа во главе с Василием Сахновским. Немирович-Данченко был где-то за границей, а Станиславский был уже очень болен и не выходил из дома на Леонтьевском. Меня спросили, что я буду читать (а буквально перед этим меня встретил Массальский и умолял: «Никакой «Гренады!»). И я сказала: монолог Катерины, басню Крылова «Лиса» и «Гренада». Грбовая тишина. И Массальский, обращаясь к Топоркову, сказал: «Слушай, ты знаешь такую басню Крылова «Лиса и Гренада»? Раздался смех, и это смячило обстановку. Прочитала я сбиваясь, волнуясь — в общем, решила, что провалилась. Ревела всю ночь и весь следующий день. Через день приходит мама и говорит: «Дура ты, дура! Я встретила Массальского, решила подойти к нему и спросила о тебе.

«я спрашивала у духа Станиславского: что делать?»

А он мне сказал: «Мы ее приняли. Куда же она пропала?» А со мной вместе поступала внучатая племянница Станиславского, и Константин Сергеевич периодически звонил и спрашивал, как ее дела. Но ее не хотели брать. И обижать Станиславского не хотели. И только Иван Москвин решил на то, чтобы сказать: «Закрепите Иванову (моя девичья фамилия) за театром». И меня сразу заняли в спектакле «Три сестры», который начал репетировать Немирович-Данченко. Я была занята везде: в первом акте я пела птичкой, во втором была шумом в печке, в третьем — пожаром, в четвертом — журавлями. Помню, когда я изображала пожар, то была на бабят на войной, а мимо проходил Немирович. Он спросил «Кто это?» «Я пожар», — отвечаю. Он посмеялся, погладил бородку и сказал, чтобы я, когда буду писать свою автобиографию, написала об этом случае.

Помню, как я случайно услышала разговор Немировича и Качалова, который очень хотел играть Вершинина. А Владимир Иванович сказал: «Нет, вы не будете играть эту роль. В вас очень много пафоса для Вершинина. Вы сыграете Чацкого». Тот всплеснул руками «Чацкого! Мне же шестьдесят два!» А потом он действительно играл Чацкого... В его игре было необыкновенное благородство. Вообще благородство Качалова покоряло всех. Когда он по улице шел, хотелось идти за ним вслед, наблюдать, как он здоровался, кланялся. И сам Качалов про то, как благородство ему мешало, очень смешно рассказывал: «Вот я иду по улице, навстречу мне — очаровательная блондинка. Смотрит ласково. Я снимаю шляпу, отступаю и наступаю кому-то на ногу. Начинаю извиняться, блондинка проходит мимо, а рядом со мной — косая, кривая, хромота дама, которой я отдал ногу...»

Но вернемся к «Трем сестрам». Как мучился Хмелев, игравший Тузенбах! Он садился на пол сцены и думал. (Потом только Смоктуновский себе позволял это.) На премьеру пришел Сталин, сидел в ложе, с охраной. Спектакль имел оглушительный успех! А в пятьдесят седьмом году меня ввели в этот спектакль на роль Ольги, и благодаря этому я объездила полмира. «Три сестры» — это был последний грандиозный подарок Немировича-Данченко МХАТу.

Хмелев — это моя боль

Когда я пришла во МХАТ, он уже начинал распадаться. Группа Кедрова, группа Станиславского, группа Ливанова... Хмелев недолго руководил Художественным театром. Вообще Хмелев — это моя боль. Помню, когда мы во время эвакуации приехали в Саратов, случилось печальное событие в наших отношениях. Хмелеву показало, что я с ним не здороваюсь. Мне говорят: «Кирка, ты что же наделала — Хмелев на тебя злится, говорит, ты невоспитанная, не отвечаешь на его поклонь». И я, во время репетиции «Трех сестер» выбрала время, когда Хмелев отдыхал, и пошла с ним объясниться. Идиотка! Говорю: «Николай Павлович, можно вас на минутку?» Вышел — разъяренные глаза. Я бормочу: «Простите, вам показалось, этого не могло быть, я из приличной семьи...» И вдруг он оскалил зубы и кричит: «Не хотите здороваться — не здоровайтесь! Как вы посмели ко мне прийти во время репети-

ции?» Я ретировалась. После этого был приказ «На дне», я ужасно была зажата, очень переживала из-за случившегося. И он тогда написал обо мне несколько слов, которые я прочла намного позже, обливаясь слезами: «Я советую Ивановой подумать — не нужно ли ей сменить профессию». Потом немцы стали бомбить Саратов. Все мы сели на белый огромный теплоход. Помню, у трапа стоял полный Блинные с грандиозным чайником и предлагал всем «саратовской водички на дорожку». Я подошла, а он меня шуганул. Оказалось, что в этом чайнике была водка или даже спирт, и наши мужчины ехали очень веселые. Саратов вообще я помню очень смутно. У меня папа тогда ушел на фронт, и не было вестей. Папа ушел на войну 6 августа 1941 года, а последнее письмо от него пришло 21 октября. А в Свердловске, куда мы потом приехали, мы жили в гостинице «Урал». И там мы с одной из наших актрис увлеклись спиритизмом. Кого мы только не вызывали! Но ни Суворов, ни Станиславский — никто не сказал мне, что с отцом. Я вообще подумывала тогда уходить из театра. И спрашивала у духа Станиславского: что делать? (Смеется.)

«Тарханова приняли за Москвина»

Кстати, из саратовской жизни мне вспоминается приезд Тарханова. Москвина в Саратове встречали торжественно, все городское начальство было. А Тарханов тихо так приехал. И нас послали дать концерт на каком-то крупном заводе. Выбежала нас встречать хорошенькая двадцатилетняя девочка, которая кинулась к Тарханову и залепетала: «Это такое счастье, что вы приехали! Мы так горды! Я так рада, что вижу вас живыми!» Он слушал-слушал, потом как уцепит ее! Она побледнела. И убежала в полной растерянности. Все стали упрекать Тарханова. И Ливанов, и Топорков. А он говорит: «Да ладно, ребята, бросьте, она же меня за Москвина приняла!» А потом мы вернулись в Москву. Там мы показали руководству спектакль «Последние дни» по Булгакову. И тогда Хмелев сказал, что пьеса булгаковская очень слабая и ее нужно укрепить сильными актерами. И восемнадцать человек заменили. В том числе и меня. А я сижу и думаю о самоубийстве. Потому что мне все говорили: «Вот, сыграешь Натали в «Последних днях», покажешь себя большой актрисой, о тебе напишут в газетах...» И вдруг — в конце работы меня снимают с роли! Сижу, думаю: все рухнуло. И вдруг Хмелев говорит: «Я должен сделать одно признание. Я изменил свое отношение к Кире Ивановой. Мы ее сейчас заменяем на более опытную актрису Степанову. Но тем не менее я вижу ее во многих ролях». Возможно, на это повлияла Книппер-Чехова. Ей, похоже, кто-то рассказал, что я подумываю об уходе из театра. Она однажды встретила меня в нижнем фойе, остановила меня и сказала: «Запомните, что я вам скажу. В театре: нашел — молчи, потерял — молчи. И голову выше!» И потом пальчиком погрозила: «И никаких заявлений!» Очевидно, о том, что я собиралась писать заявление об уходе, ей рассказала Софья Пилиевская. Через некоторое время начали репетировать пьесу Алексея Толстого «Трудные годы». Там одну из ролей играла Тарасова.

И как-то она встретила меня и говорит: «Надоел мне ваш Хмелев! Пилит меня на каждой репетиции. Говорит, во мне нет наивности, которая для этой роли необходима! Через несколько дней вас вызовут на репетицию. И шут с этой ролью. Она того не стоит». И Тарасова пошла дальше. Начался год ежедневных репетиций с Хмелевым. И это была сказка. Моя сказка. Были приглашены ставить спектакль Алексей Попов и Мария Кнебель. Хмелев очень хорошо ко мне относился, притом что он был влюблен в свою жену Лялю Черную. У нас были прекрасные, доверительные отношения. Он даже мог критиковать мужчину, которого я тогда любила: «Кого ты выбрала? Ну кого? Он же лгун! Ну неужели не могла найти кого-нибудь попримичнее?» А я смотрела на него обожающими глазами. Но не было ничего, никаких поглаживаний рук. Один раз он позволил себе на сцене поцеловать меня по-настоящему. Он мне однажды сказал: «Ты знаешь, первый раз мне говорят, что у меня получилась любовная линия!» На следующий день была генеральная репетиция. Он ждал жену. И попросил меня дать ему знать, когда она придет. Он очень ценил ее замечания, очень ее ждал. Но она не пришла. И когда закончился первый акт, всех позвали на замечания, на ступеньках Хмелев пошатнулся. И как-то сдавленно сказал «Ничего-ничего. Пустите, я пойду». И тут же стал падать. Его подхватили. Конечно, прибежали врачи, принесли носилки... И, уже лежа в директорской ложе, он говорил, что надо продолжать репетиции. Его жена пришла только в пять часов, когда он уже был без сознания. В тот вечер мы играли «Мертвые души», я была губернаторской дочкой. И когда Станицын, который играл губернатора, пригласил меня танцевать, то он мне шепнул: «Коля перестал дышать». Вечером первого ноября сорок пятого года. Когда он умер, ему было сорок шесть лет. Так закончилась моя сказка...

Если бы он еще прожил, вероятно, моя жизнь по-другому бы сложилась. У Тарасовой был Москвин, у Еланской был Судаков, у Анровской был сначала Баталов, потом — Станицын. А у меня — никого. Даже когда я вышла замуж за адмирала — ну какая тут помощь в театральных делах? И мне после смерти Николая Павловича казалось: зачем приходить в театр, если здесь нет Хмелева? Тарасова тогда замечательную речь сказала: «От нас ушел молодой вожак». И сразу все забыли про то, как смеялись над ним, как издевались над какими-то его смешными качествами.

«У Наташи не могло быть таких одеял!»

А потом пошло кино... «Глинка», «Свет над Россией». Кстати, мои занятия с женой Станиславского Марией Петровной Лилиной тоже были сказкой. На мой взгляд, она была великодушнейшей актрисой. Она могла быть первой актрисой во МХАТе. Она говорила, что, конечно, могла бы играть другие роли, но — «Костя, ведь он должен был быть главным». Она говорила, что в чем-то виновата перед Константином Сергеевичем. И свою ужасную болезнь, свои боли считала наказанием за это. Она говорила: «Я приду к Косте очищенной!». Она верила, что эти ужасные страдания очищают ее ду-

шу. Она бросила свою жизнь под ноги Станиславскому. Если бы он давал ей роли, соответствующие ее таланту, то не Книппер-Чехова, а она была бы ведущей актрисой Художественного театра. Ходила тогда байка о верности Станиславского своей жене. Когда Айседора Дункан пыталась его соблазнить, в самый решительный момент он сказал: «Пойду посоветуюсь с Марией Петровной».

Ну, вернемся к нашим занятиям с Лилиной. Одна из ролей, которую я тогда играла, — Наташа в спектакле «На дне». И Мария Петровна стала разбирать со мной эту роль. Она подсказывала мне, как нужно знать жизнь своей героини. Она меня замучила: в котором часу Наташа встает, где она спит, чем укрывается, чем намокает подушки... И все время со мной спорила: «Нет, у Наташи не могло быть таких одеял, какие вы придумали, нет!» Она мне написала: «Любите искусство в себе, а не себя в искусстве. И учитесь фантазировать в ролях — тогда из вас получится хорошая актриса».

«если бы Ефремов не пришел во МХАТ, он прожил бы более славную жизнь»

А потом был театр в Калининграде, там мне дали звание народной артистки. Потом — опять МХАТ. Как раз тогда создавался «Современник», и Олег Ефремов очень меня туда звал. Но я по настроению в труппе чувствовала, что, если я пойду играть в «Современник», меня выгонят из Художественного театра. А я очень любила МХАТ! И мне пришлось Олегу Николаевичу отказать. И он затаил на меня такую обиду! До конца дней своих он меня не простил. Когда он пришел во МХАТ, то всячески давал мне понять, что я ему не нужна. Ни в один свой спектакль он меня не взял. Ну, была там какая-то крохотная роль... А я его приход восприняла с интересом. Хотя я не верила в то, что он возродит МХАТ. Однажды Олег Николаевич предложил мне перейти на полставки. А я решила совсем уйти. Играть только в тех спектаклях, в которых уже играю. То есть на договоре. Приход Ефремова во МХАТ я не считаю ошибкой. Просто мне кажется, что он прожил бы более славную жизнь, если бы не ушел из «Современника». МХАТ — это такая штука... Он уже давно умер... Но вот пришел Олег Табаков, и зритель в театр вернулся. Началось оживление, он стал искать новые пьесы, пополнять труппу. Но совершенно неожиданно для меня он сначала мне повысил ставку по договору. И вдруг мне говорят: «Табаков издал приказ о возвращении тебя в труппу». Я говорю: «Вы с ума сошли, мне восемьдесят три года, какой хурук возьмет актрису в таком возрасте?» Однако это была правда. Все моя семья ликovala! Это была такая радость! И у меня сейчас только один страх: только бы меня не скрючило, только бы я успела сыграть те роли, которые мне поручены! Чтобы, если я не впаду в старческий маразм и ноги смогут ходить, суметь отблагодарить своим творчеством. У Табакова говорю: «Как это возможно?» А он: «Я вас люблю!» Вот такой подарок под конец жизни.